

18+ Евгений Михайлов

Исцеление человечностью

Сборник рассказов

Евгений Михайлов

**Исцеление человечностью.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Михайлов Е.

Исцеление человечностью. Сборник рассказов / Е. Михайлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749091-1

В новую книгу автора вошли ранее не издававшиеся произведения различной тематики в популярном у читателей жанре короткого рассказа.

ISBN 978-5-44-749091-1

© Михайлов Е.
© Издательские решения

Содержание

Исцеление человечностью	6
«Татарское мыло»	8
Нелётная погода	9
Перчатки	11
Коровы на льду	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Исцеление человечностью
Сборник рассказов
Евгений Михайлов

© Евгений Михайлов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исцеление человечностью

Сразу оговоримся. Бруно Дюмон с его культовым фильмом здесь ни причём. Речь пойдёт о человечности в буквальном смысле слова – черте характера некоторых людей, встречающейся в современном мире всё реже.

Во времена развитого тоталитаризма напротив центрального парка в городе С. располагался медицинский комплекс, называемый в народе

«физиоинститутом». На первом этаже этого старинного здания размещалась поликлиника, второй и третий этажи были отведены под стационар.

Бронзовый Ленин, возвышающийся над трибуной, прижатой к парку, указывал на «физиоинститут», как бы призывая горожан «лечиться, лечиться и лечиться». В числе многочисленных посетителей этого заведения, последовавших совету вождя, была и Регина Анатольевна, дама возрастом где-то за сорок, причём это «где-то» было явно ближе к пятидесяти.

Сегодня она покинула кабинет врача-гастроэнтеролога растерянной и расстроенной. Врач Сергей Алимович, шустрый улыбочивый татарин, просто огорошил свою пациентку, которой долго и безуспешно лечил заболевание печени. Просмотрев результаты очередного обследования, Сергей Алимович сокрушённо покачал головой: – Ну, друг мой, не знаю, что с Вами дальше делать, как лечить...

И, помолчав, спросил вдруг: – Вы в Бога веруете?

Получив утвердительный кивок, добавил: – Тогда молитесь!

Сама не своя, Регина Анатольевна шла домой, не замечая прекрасного июньского дня вокруг.

– Неужели всё кончено? Я ведь не так уж стара. Да и ребятишки малы ещё. Каково им будет с мачехой-то?

И она решила бороться. Будучи агрономом, она твёрдо знала, что в жизни человека большое значение имеют растения. Поэтому начала внимательно штудировать старинный «Травник», доставшийся ей от матери.

Вскоре выяснилось, что в лечении болезней печени большую помощь оказывает лесная земляника, длинненькая такая с лёгкой горчинкой. Особенно в свежем виде.

Прочтя это, женщина задумалась. В окрестностях её родного города, даже в знаменитом ленточном бору земляника не росла. Значит, за ней придётся куда-то ехать. Но куда?

Дальнейшие события Регина Анатольевна объясняла впоследствии вмешательством высших сил, так как по совету Сергея Алимовича, она в церковь всё-таки ходила и долго молилась перед иконой Богородицы об избавлении от ужасной участи.

Так вот, сидя однажды за столом наедине со своими печальными мыслями, Регина Анатольевна (или попросту Рина) совершенно машинально взяла в руки газету «Пионерская правда», оставленную здесь старшим сынишкой. Взгляд женщины почему-то упал на заметку, одной девушки из Алтайского края, работавшей пионервожатой в сельской школе, где та, с восхищением описывая красоту окружающей природы, упоминала об изобилии грибов и ягод в тайге, начинающейся сразу за деревней.

– Это мой шанс, – решила Рина. Тем не менее, она понимала, что вначале следует списаться с Валею К. (так звали автора заметки). Не зная адреса Вали,

Рина отправила ей письмо через редакцию газеты, не очень —то надеясь на успех.

Однако редакционный отдел писем откликнулся на её просьбу. Видимо там работали люди неравнодушные. Почта в ту пору работала несравненно лучше и вскоре Рина, к своему удивлению, получила ответ из села Повалиха

Алтайского края.

Валя писала, что обо всём договорилась со своей квартирной хозяйкой, которая готова принять гостью. В начале июля, Рина, прихватив ребятишек,

выехала в Алтайский край. Дорога была непростой – поездом до Барнаула, потом электричкой до станции Повалиха, а там уж до одноимённой деревни на попутке.

Когда усталые путешественники достигли цели, их встретили, как родных, с настоящим сибирским радушием – жаркой банькой, после которой были долгие разговоры за самоваром. Были на столе и шаньги с той самой лесной земляникой.

В ходе чаепития хозяйка тётя Акулина предложила гостям поселиться у её сестры Паши на лесном кордоне, «поближе к землянике». На завтра они туда и перебрались. Тётя Паша оказалась такой же радушной, как и её сестра, хотя и была по местным меркам важной птицей – работала продавцом в крошечном кордонском магазинчике. Несмотря на свою занятость, успевала иногда вместе с приезжими сбегать по ягоды, которых действительно было хоть отбавляй. Самая крупная, да запашистая земляника была на «вырубках» – полянах оставшихся после лесозаготовок. Рина с ребятишками просто объедались ею. Впрок тоже заготавливали – и сушили, и варенье варили. Садовая клубника не шла ни в какое сравнение с этой чудо-ягодой.

При расставании тётя Паша любезно пригласила приезжать и на следующий год. Приглашение было с благодарностью принято. Рина с радостью чувствовала, что болезнь оставляет её. После второго визита в Алтайский край женщина совсем повеселела.

Как-то встретила Сергея Алимовича.

– Вы прекрасно выглядите, друг мой, – восхитился тот, – Чем вы лечились?

– По вашей методике, доктор. Молилась! – с нескрываемой иронией ответила Рина.

– Продолжайте! – не растерялся врач.

Лет через семь Рина со старшим сыном вновь побывали в гостях у тёти Паши, которая теперь жила в Повалихе. Всё неузнаваемо изменилось. Не было уже и гостеприимного кордона. В тех заповедных местах пролегла бетонная автострада на Новосибирск с шестирядным движением. Вокруг шло интенсивное строительство. От природы мало что осталось. Ни о какой землянике и речи быть не могло. Но своё доброе дело чудесная ягода успела сделать. Рина продержалась ещё около тридцати лет, намного пережив своего незадачливого эскулапа.

И всё это стало возможным благодаря исключительной душевной доброте людей, причастных к этой истории – газетчиков, пионервожатой Вали, простых деревенских женщин Акулины и Паши.

В наше суматошное время подобную ситуацию трудно себе представить.

«Татарское мыло»

О связи человека с миром растений на уровне тонких энергий знали ещё в древности. Астрологи, например, считают, что определённые виды растений резонируют с энергией представителей только «своих» знаков Зодиака. Тот, кто придерживается этой теории, всегда может найти в литературе и в инете указатель растений, предрасположенных к себе.

Но списки эти нельзя считать исчерпывающими. Вот не нашёл я в этих списках ЗОРЬКУ ХАЛЦЕДОНСКУЮ, называемую ещё «татарским мылом».

А этот скромный цветок очень любила наша мама. И цветок платил ей тем же.

Владельцы приусадебных участков знают, что многие растения поселяются у них самостоятельно, без приглашения. Так появилось у нас «татарское мыло». Его некрупные яркие соцветия маму очень радовали.

– Ой, какая прелесть, – говорила она, – это весточка из моего детства. Такие цветы росли у нас в палисаднике.

Мама всегда собственноручно поливала цветок и ласково что-то ему нашептывала. Так продолжалось несколько лет. Растение окрепло и разрослось. Потом мама слегла после инсульта, и её общение с цветком стало невозможным. Хотя зорьке халцедонской по-прежнему хватало влаги и солнца, цветок стал каким-то невзрачным, запылённым.

Осенью мне пришлось по неотложным делам уехать за границу. В это время за мамой ухаживала её сватья. Однажды она чем-то отвлеклась, а мама встала с постели и вышла в сад. Вернулась она оттуда необычайно грустная и подавленная. Ночью ей стало хуже. В живых я её не застал.

Сватья рассказала мне потом, что мама всё время вспоминала «какое-то мыло». Когда я объяснил ей, что речь шла о цветке, женщина была крайне удивлена. Вскоре выпал ранний снег, и многие растения скрылись под ним до весны.

Весной я срезал прошлогодние побеги, но «мыло» так и не выдало новых побегов. Цветок погиб. Я отправился в самый крупный цветочный магазин, но зорьки халцедонской в каталоге не оказалось. Продавец- консультант вежливо пояснил мне, что это, скорее всего, дикорастущее растение, случайно поселившееся в нашем саду.

Спрашивал я и у бабулек, торгующих цветами на рынке, но долгое время мои поиски были безрезультатными. Наконец, одна старушка обрадовала меня известием, что видела у её соседа на даче кустик заветного «мыла».

На другой день я увидел этот кустик, отчаянно боровшийся за жизнь.

Похоже, что за лето его не поливали ни разу. Глянув на красный, в прожилках нос его седовласого хозяина, я понял, что тот имел другое пристрастие.

Когда он услышал, что я хочу выкопать этот кустик, то зачастил обрадовано:

– Дак, мил человек, цветок денег стоит!

Получив от меня аж на две бутылки «Стрелецкой», обрадованный старик проводил меня присловьем, явно заимствованным у джигарханяновского Волка: – Ты... заходи, если што!

К сожалению, цветок не прижился. Повторная попытка также оказалась безрезультатной. Видимо, среди нас не нашлось человека, с которым цветок смог бы установить энергетический контакт, как когда-то с нашей мамой.

Нелётная погода

Дело было в прошлом веке, когда Санкт-Петербург ещё назывался Ленинградом. Марат Каратаев, студент-заочник одного из ленинградских ВУЗов, возвращался после успешно сданной сессии домой в Алма-Ату.

Билетов на прямой рейс он не достал, поэтому летел транзитом через Москву. Когда он ехал в такси от Шереметьева до Домодедова, погода заметно испортилась.

Снежок, вначале небольшой, становился всё гуще и гуще. Поздней осенью в Москве такое не редкость. Сразу потемнело, хотя до вечера было далеко.

– Ну, парень, насидишься ты в аэропорту! – резюмировал таксист, включая фары – Снежище-то какой! В двух метрах ничего не видать.

Так и получилось. Рейсы задерживались один за другим. Марат ещё успел занять свободное кресло в зале ожидания, а вскоре вновь прибывающим пришлось устраиваться прямо на полу.

Рядом с Маратом расположилась супружеская пара. Он – седоватый бородач в кожаной куртке и берете. Марат предположил в нём киношника и не ошибся. Когда они познакомились и разговорились, выяснилось, что Володя – режиссёр студии «Союзкинохроника» летит для съёмок своего фильма на Камчатку, куда накануне благополучно добралась вся съёмочная группа. А Владимир Петрович, вчера решавший финансовые дела на киностудии, теперь сидел и от досады, как говорится, грыз ногти.

Его жена Таня, миловидная блондинка, а-ля Ирина Мирошниченко, годившаяся по возрасту в дочери своему мужу, успокаивала его, как могла.

– Вот, увидишь, к утру погода наладится! – уверяла она.

Все рейсы откладывались то на час, то на два. Какой уж тут сон! Утром действительно выглянуло солнышко, но подморозило, и взлётная полоса обледенела. К обеду всё же начали некоторые рейсы выпускать, но тут снова пошёл снег. Погода словно издевалась над людьми. К вечеру аэропорт окончательно закрыли, теперь уже до утра.

Москвичи засобирались домой. Таня неожиданно сказала Марату:

– Поедьте с нами. Хоть отоспимся по-человечески.

Марат недолго раздумывал. На электричке добрались до метро и вскоре оказались в уютной двухкомнатной квартире с видом на Москва-реку.

Володя сразу направился в ванную. После него и Марат с наслаждением принял душ, пока Таня возилась на кухне. Выпив коньячку и перекусив, стали обустраиваться на ночь. Гостю постелили в зале и он сразу провалился в безмятежный сон.

Проснулся от того, что его легонько трясли за плечо. Рядом с диваном стояла Таня в коротенькой ночной рубашке, подчёркивающей её ладненькую фигурку.

– Подвинься! – прошептала она и, очутившись рядом с Маратом, прижалась к нему всем телом.

– Ну, что лежишь? Делай что-нибудь! – женщина была настроена решительно.

– А вдруг он услышит? – также шепотом спросил Марат.

– Не услышит! Он на ночь снотворное пьёт. Да шевелись ты!

– Понимаешь, у меня никогда ещё не было... этого, – парень явно смущался.

– Ничего себе! – хихикнула Таня – Такой симпатяшка... и девственник! Но это всё же лучше, чем импотент! – кивнула она в сторону спальни.

Марат действительно в свои двадцать лет ещё не стал мужчиной. Просто он год назад имел неудачный сексуальный опыт с амбициозной девушкой. И она его на смех подняла. Ну как тут не закомплексуешь?

А паренёк он действительно был симпатичный. От папы-казаха он перенял чернявость и смуглость, а от русской мамы – европейские черты лица. Имя и фамилия тоже позволяли незнакомым людям принимать его за русского. А он их и не разубеждал. Русский, не русский – какая разница!

Видя нерешительность парня, Таня перешла к активным действиям. Добившись желаемого, она удовлетворённо обхватила Марата руками и ногами.

– Вот и прекрасно, малыш! Для первого раза неплохо, – шептала она.

Утром Владимир был хмур и сосредоточен.

– Неужели он догадался? – думал Марат, стараясь сохранять невозмутимость.

Таня тоже не выдавала себя ничем.

В аэропорту первым объявили рейс на Алма-Ату. Распрощавшись, Марат пошёл на посадку, но в последний момент повернул в сторону и спрятался за колонной, удивляясь сам себе.

Больше часа ему пришлось ждать, пока объявили посадку на Петропавловск- Камчатский. Увидев, что Владимир скрылся за дверями секции-накопителя, а Таня направилась к выходу, Марат бросился её догонять.

– Таня! Таня! – кричал он.

– Ты?! Откуда?! – обернулась Татьяна – Не улетел, что ли? Была же посадка!

– Да, не улетел! Не мог! – взволнованно сказал Марат, – Не могу с тобой расстаться! – повторил он.

– Ах, вот оно что! – заулыбалась женщина – Лети домой, дурашка! Что было, то прошло! – и пошла к выходу, поднимая капюшон куртки. На улице опять начинался снег.

Когда Марат сдавал просроченный билет, с него удержали штраф. Денег на новый билет уже не хватало, и он добирался домой на поезде. Но ни о чём не жалел. Теперь он с полным основанием считал себя мужчиной.

О Татьяне не забывал, поэтому бережно хранил бумажку с адресом и телефоном, вручённую ему Владимиром Петровичем в то памятное утро.

В Москве он оказался года через три. Заехал специально после защиты диплома. Однако на его неоднократные телефонные звонки так никто и не ответил.

– Москвичей трудно дома застать, – успокаивал себя Марат. К вечеру он решил приехать в знакомый дом на набережной.

Увы! Дверь ему тоже не открыли.

Женщина выглянувшая из квартиры напротив, огорошила Марата известием, что Владимир Петрович в прошлом году умер, а «эта свиристёлка продала квартиру и месяц назад умотала с хахалем в Питер».

– Да Вы что! – чуть не подпрыгнул Марат. Теперь до него дошло, КТО была женщина, махавшая ему из окна автомобиля два дня тому назад в Питере, когда их компания выпускников шествовала по Невскому, выйдя из ресторана. А он всё терзался в догадках, кто бы это мог быть...

– Вот невезенье! – погрузился Марат, – А её ленинградского адреса Вы не знаете?

– Не знаю, – прищурилась женщина, – А ты вообще кто такой?

– Школьный товарищ, – соврал Марат и пошёл к лифту. Выйдя из подъезда, он выбросил бумажку с адресом, разорвав её в клочья.

– А что же дальше? – спросят меня читатели.

А я отвечаю: – Полагайтесь на собственную фантазию, дорогие мои! Те, кто предпочитает хэппи-энд, пусть верят, что Марат с Татьяной всё же встретятся, чтоб не расставаться. А пессимисты могут считать, что встреча наших героев не состоится. Никогда.

Что будет на самом деле – покажет время. У них оно ещё не истекло.

Перчатки

Ещё со времён учёбы в Ленинграде у меня остались не лучшие впечатления о тамошнем климате. И в первую очередь, о зиме. Уж куда лучше наш сухой трескучий сибирский мороз, чем пронизывающая ледяная сырость.

Но вот, в январе девяносто второго пришлось мне неожиданно-негаданно выехать в Питер, которому как раз недавно вернули его историческое имя.

А всё началось с телефонного звонка Витальки (институтского приятеля) в новогоднюю ночь. Ну, поздравили друг друга, поболтали про «интересную» житуху. Потом приятель вдруг говорит: – Слушай, ты же вроде бы нумизматикой увлекаешься?

– Так точно, – отвечаю, – А что?

– Да в нашем подъезде один старикан умер. От него осталась большая коллекция. Вдова решила её распродать, да боится «чёрных дилеров». Сам знаешь, времена какие. Вот она ко мне и обратилась, не подыщу ли ей честного покупателя. Приезжай. Авось, не ограбишь старушку.

– А что за монеты? – поинтересовался я.

– В основном – императорская Россия.

Коллекционирование – это такая зараза, что подчиняет человека себе не хуже алкоголизма, поэтому после недолгих раздумий я решил ехать, вернее, не ехать, а лететь. Потом вспомнил особенности питерской зимы и срочно побежал в магазин за тёплыми перчатками. Так уж я устроен – ужасно не люблю, когда руки мёрзнут. От этого и всему телу дискомфорт сплошной.

И вот я в квартире Риммы Михайловны, представленный ей своим другом. Воображение рисовало мне вдову величественной старухой с манерами выпускницы Смольного института. Однако в действительности она оказалась суетливой коротышкой средних лет. Вероятней всего, она была значительно моложе своего мужа. Коротышки чаще всего бывают болтушками, вот и она не умолкала ни на минуту, безо всяких предисловий поведав мне, как много средств вкладывал покойный муж в коллекцию, отказывая во всём не только себе, но и жёнушке.

– Представьте себе, мы с ним ни разу не были на Чёрном море. Дальше своей дачи носу не высовывали. Я по десять лет в одних сапогах ходила, а он, – тут вдова всхлипнула, – так и похоронен был в потрёпанном пиджаке, даром что профессор!

– Но теперь, – со злобной решительностью закончила она, – я верну потраченные деньги. И мне, и сыну они очень кстати будут.

Далее женщина деловито поинтересовалась, что меня конкретно интересует, вытащив пухлую тетрадь в клеёчатом переплёте. Я предложил ей показывать всё подряд, а там видно будет.

– Только учтите, цены я знаю! – зачастила Римма Михайловна, выкладывая передо мной альбомы. Я сразу же понял, что до меня здесь кто-то здорово покопался. Многие ячейки клас-серов зияли пустотой.

Хозяйка горестно вздохнула: – Это всё племянничек постарался. Приводил какого-то приятеля.

Услышав, что они забрали и почём, я только головой покрутил.

– Ничего-то ты в нумизматике не понимаешь, курица глупая! – с досадой подумал я.

Тем не менее, нашлось что-то и для меня. Совесть не позволила мне обманывать незадачливую вдовицу, разве что чуть-чуть.

Пряча деньги, Римма Михайловна сказала: – Вы уж извините меня, Коля, что не приглашаю чайку попить. В аэропорт тороплюсь. Сын сегодня прилетает на каникулы. Хотелось бы встретить.

– Ради Бога, не волнуйтесь! Я и сам тороплюсь. – соврал я, чтобы успокоить женщину. Расстались мы, доброжелательно улыбаясь друг другу.

– Чем же заняться? – думал я, спускаясь по лестнице. Поскольку Виталька был ещё на работе, я пообедал в первом попавшемся ресторанчике и отправился гулять по городу. Морозец основательно набросился на меня, но мои добротные перчатки и ботинки не оставляли ему шансов на победу.

К вечеру я зашёл на главпочтамт, чтобы отправить несколько заграничных писем, предусмотрительно вручённых мне супругой в надежде на скорую доставку из северной столицы. Устроившись за столиком возле колонны, я запечатывал конверты и надписывал адреса.

Рядом со мной сосредоточенно что-то писал коренастый парень в форме курсанта военного училища.

Отправив письма, я собрался уходить, но обнаружил, что перчатки мои куда-то запропастились. Я вернулся к столику. Перчаток не было. Курсант всё ещё что-то писал.

– Молодой человек! – обратился я к курсанту. – Вы случайно здесь перчаток не видели?

– Конечно, видел, – отвечал парень, – Это же мои перчатки.

– Вы что-то путаете.

– Ничего я не путаю, – курсант был категоричен.

В этот момент я услышал сзади женский голос, показавшийся мне знакомым:

– Да вот же твои перчатки, Мишенька! Ты же мне их сам отдал. Извинись перед мужчиной!

Тут же перед нашим столиком появилась... Римма Михайловна собственной персоной. При виде меня она, вздрогнув, пролепетала: – Ничего себе!

Откуда Вы здесь, Коленька? А я вот тут с сыном...

– Мир тесен, – усмехнулся я, забрал перчатки из рук бормотавшего извинения парня и пошёл к выходу.

У самых дверей Римма Михайловна с Мишей догнали меня. Зачем же?

Оказывается, решили в гости меня позвать. Я отказывался, они настаивали.

Уговорили, в конце концов.

Где-то через час собрались Мишины друзья, и мы неплохо посидели. Так началось моё знакомство с этой семьёй. Оказывается у Риммы Михайловны дед и отец были профессиональными военными. Дед успел и царю послужить, и в Красной армии. Отец командовал танковым подразделением и погиб под Берлином. Названный в его честь, Миша тоже решил стать танкистом.

После этой встречи наши добрые отношения сохранились. Звонили друг другу. Римма Михайловна даже письма писала. Из них я знал, что Миша в девяносто четвёртом окончил училище и служил в Майкопе.

В канун девяносто пятого года я поздравил Римму Михайловну с праздником. Спросил и про Мишу. Бедная женщина очень переживала, что в Чечне началось кровопролитие.

– Не дай Бог, Мишеньку туда пошлют, – вздыхала она.

Не зря тревожилось материнское сердце. Через полмесяца я узнал от Виталия, что Миша погиб в ту самую новогоднюю ночь во время самоубийственного штурма Грозного, затеянного бездарными генералами.

Его танк подорвался на mine, но продолжал обстреливать позиции сепаратистов. Те отвечали шквальным огнём. Танк загорелся. Миша помог наводчику и механику выбраться через верхний люк, а сам почему-то задержался. Страшный взрыв сдетонировавших боеприпасов поставил точку в его жизни, отбросив башню в сторону. Наводчик и механик каким-то чудом спаслись. От них и узнали подробности этой трагедии.

В годовщину смерти Миши рядом со мной на поминальной церемонии оказался один из его друзей, наводчик Дамир. Он совершенно не пьянел от выпитого. Страшно было видеть его пустой взгляд.

Во время перекура на лестнице старого петербургского дома он сказал неожиданно: – Как глупо всё получилось! Если бы не эти перчатки!

Отвечая на мои недоумённые вопросы, Дамир пояснил, что Миша, оказывается, задержался в башне, доставая оброненную перчатку. Это его и погубило.

Я был просто в шоке. Ведь, действительно, как зависит человеческая жизнь от случайностей! Но иногда возникает мысль- а не закономерны ли эти случайности?

Коровы на льду

Такой фразой в обиходе пользуются, подчёркивая чьё-либо неустойчивое, неуверенное пешее передвижение. А вот мне вспоминается реальная, полная драматизма история с коровами на льду.

Дело было так: мы, прииртышские пацаны, не только летом, но и зимой всё свободное время пропадали на реке. Летом – рыбалка, купание до посинения, зимой – хоккей. Радовались, когда из-за морозов отменялись занятия в школе. Хоккейные баталии на иртышском льду не прекращались при любой погоде. Разве что снежная буря могла помешать. Но в тот год зима подкрадывалась постепенно, морозов больших ещё не было. Родители не разрешали нам пока что появляться на реке, замёрзшей совсем недавно.

Однако, как известно, охота – пуще неволи. Пришлось соврать, что после уроков идём в кино, а сами напрямиком – на Иртыш. Времени было в обрез – Солнце уже спускалось к горизонту, а нам ещё надо было площадку для игры выбрать и разметить. Издалека мы заметили впереди какие-то большие тёмные пятна. Что такое? Подошли поближе и увидели шесть коров, лежащих на льду.

Завидев нас, они задёргались и попытались встать. Не тут-то было! На гладком льду ноги разъезжались. Жалобный коровий рёв оглашал округу. Не раздумывая, мы решили помочь несчастным животным подняться. Да куда там! На льду ведь не телята были, а вполне взрослые бурёнки. Короче говоря, потели мы напрасно.

Но до того увлеклись, что не заметили, как стемнело. Мороз усиливался. Вдруг с берега послышались сердитые крики. Это старший братишка одного из пацанов, отправленный на поиски, требовал нашего немедленного возвращения домой. Мы уходили, провожаемые тоскливым коровьим мычанием.

Несмотря на полученную взбучку, утром мы с Васькой-соседом вновь вместо школы оказались на реке, хоть и догадывались, что даром нам это не пройдёт. Но то, что мы увидели, потрясло наше детское воображение. Коров не было. Но одна из них видимо примёрзла ко льду. Да не как-нибудь, а выменем. А те, кто забирали коров, попросту обрезали его напополам. На зеленоватом льду застыла большая розовая лужа – смесь молока и крови, в середине которой торчал кусок примёршего вымени.

Потом мы узнали от родителей, что в тот день с правого берега на левый направлялся грузовик, вёзший коровёнок на убой. Мостов в ту пору ещё не было, и транспорт летом переправлялся на пароме, а зимой – напрямую, по льду. Кто же его направил на неокрепший лёд? Да просто в одном из колхозов было отставание по сдаче мяса государству, и райком партии вовсе давил на председателя, вынуждая его срочно сдавать дойных бурёнок под нож.

Когда лёд под скотовозом начал гнуться и трещать, шофёр сгрузил «пассажирок», сообщив, что никуда они не денутся, порожняком переехал-таки на ту сторону и помчался на мясокомбинат за подмогой. Там ему дали рабочих и несколько кусков брезента. Вернувшись к реке, люди стали перетаскивать коров с помощью брезентовых волокуш на левый берег. А с примёрзшей коровой обошлись вот так варварски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.